

Неопределенные и отрицательные субстантивные местоимения (*некто, ничто, кое-что // ніхто, будь-що, казна-хто*) склоняются по типу *кто, что // хто, що*. Местоимения *некого // нікого, нечего // нічого* не имеют формы им. падежа. Русское местоимение *некто* имеет только форму им. падежа, а *ничто* — только форму им. и вин. падежей. В предложных сочетаниях предлог ставится между классификационно-функциональным маркером¹ и собственно местоимением, напр.: *никто, никого, никому // ніхто, нікого, нікому, но ни от кого, кое с кем, ни о чем // ні до кого, будь з ким, казна з ким*.

У русских неопределенных местоимений с префиксами *кое-, кой-* предлог может стоять не только после префикса: *кое с кем, кое к кому, кое на что, кое о ком*, но и перед ним: *отговорить от кое-чего, оставить для кое-кого, вспомнить про кое-что, повидаться с кое-кем*.

Украинские неопределенные местоимения *хтось, щось* в твор. падеже ед. числа имеют параллельные формы со вставным звуком | о | и без него: *кимсь, чимсь* и *кимось, чимось*.

V. КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

1. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В русской и украинской грамматической традиции категория степеней сравнения всегда вызывала различные, нередко взаимоисключающие трактовки и определения. Если М.В. Ломоносов, А.В. Барсов, Н.И. Греч, Г.И. Павский в основном следовали концепции, восходящей к средневековым латинским грамматикам — концепции трехчленной морфологической категории степеней сравнения², то начиная с первой половины XIX в. русские грамматисты обнаруживают специфические черты разных форм степеней

¹ Украинская грамматика. — С. 152.

² Воротников Ю.Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке. — М., 1987; Воротников Ю.Л. Употребление форм сравнительной степени с приставкой *по-* // РЯШ. — 1987. — № 3. — С. 86—89.

сравнения в русском языке. В частности, обсуждался вопрос о статусе форм превосходной степени на *-ейший/-айший*¹.

К “Запискам по русской грамматике” А.А. Потебни восходят первые случаи сопоставления русских и украинских степеней сравнения. Указывалось, например, что значение русской сравнительной степени *лучше* отвлеченно, а украинской *кращий* сохраняет конкретность прилагательного².

В течение последнего полувека прослеживается борьба двух основных направлений в трактовке рассматриваемой категории, соответствующих двум крупным лингвистическим школам — формальной фортуатовской школе и школе соссюрвской, до определенной степени отвлекающейся от “косной субстанции”. Вследствие борьбы этих систем взглядов долгие годы остаются дискуссионными вопросы о включении/невключении положительной степени в парадигму категории, проблема статуса синтетического и префиксального компаратива, вопрос об аналитических формах степеней сравнения, проблема разграничения суперлатива и элатива, вопрос о частеречной принадлежности форм степеней сравнения.

“Формалисты”, как правило, стремятся развести формально разнородные элементы грамматической категории по разным уровням языка, избегая их сближения либо противопоставления по семантическим или функциональным признакам. Наиболее полно такие взгляды отражены в “Грамматике — 80”. Автор соответствующих параграфов В.А. Плотникова оставляет в парадигме категории только положительную степень и простую форму сравнительной степени, вынося на словообразовательный уровень формы префиксального компаратива и простой превосходной степени, а аналитические формы сравнительной и превосходной степени — на синтаксический уровень³.

Другие исследователи несколько по-иному разрушают парадигму категории в русском языке, изымая из нее сравнительную степень как синкретический адъективно-адвербиальный дериват⁴,

¹ *Калайдович И.Ф.* О степенях сравнения прилагательных и наречий качественных // Тр. Отд. лит-ры и рус. словесности (ОЛРС). — 1823. — Ч. 3. — С. 107—132.

² *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. — М., 1978. — Т. 4. — С. 81.

³ *Русская грамматика.* — М., 1980. — Т. 1. — С. 301, 308, 429.

⁴ *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1935. — С. 137.

который можно даже квалифицировать как отдельную часть речи¹. Многие ученые не рассматривали аналитические степени как грамматические. Характерно высказывание из давней статьи П.Г. Стрелкова: "...исключаю из рассмотрения и случаи подобно таким: *более смелый, наиболее серьезный* и т. д., так как здесь интересующие нас формы *более* и *наиболее* являются в полной мере наречиями при прилагательных"². Это мнение повторялось во многих работах и отразилось в "Грамматике—80".

Представители другой, интегративной школы стремились исходить из функциональной гомогенности конstituентов данной грамматической категории. В.В. Виноградов в своей этапной книге "Русский язык. Грамматическое учение о слове" писал о том, что серия описательных, аналитических форм степеней сравнения является живой и продуктивной в современном русском языке³. На замечание М.И. Стеблин-Каменского о том, что *более* и *самый* аналогичны наречиям-интенсификаторам *очень* или *слишком*⁴, М.И. Морозова достаточно убедительно ответила, что форманты степеней сравнения выражают именно идею сравнения, их круг замкнут (*более, наиболее, самый*), они грамматикализовались, закрепились в препозиции, почти перестали употребляться дистантно, образуют единое семантическое и синтаксическое целое со словом качественного значения⁵. Подступы к будущей функциональной грамматике были намечены В.Н. Ярцевой, писавшей о большей широте грамматической категории, чем грамматической формы: "...следует говорить о наличии категории степеней сравнения, которая охватывает прилагательные определенной семантики, но эта категория передается как в формообразовании, так и в словосочетаниях"⁶. Тем не менее "грамматические категории, которые находят свое выражение в словосочета-

¹ Головенко Е.И. Структуры с простой сравнительной степенью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1972. — С. 5.

² Стрелков П.Г. О степенях сравнения прилагательных в русском языке // Уч. зап. Перм. ун-та. Вып. 1. — 1929. — С. 47—52.

³ Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 200.

⁴ Стеблин-Каменский М.И. Грамматика норвежского языка. — М.; Л., 1957. — С. 73—74.

⁵ Морозова М.И. Развитие аналитических конструкций степеней сравнения в русском языке // Уч. зап. Вологод. пед. ин-та. Вып. 28. — 1964. — С. 27—58.

⁶ Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 24—25.

нии, должны рассматриваться не в разделе морфологии, а в разделе синтаксиса”¹.

Эти идеи были развиты А.В. Бондарко в его концепции “коррелятивных”, “непоследовательно-коррелятивных” и “некоррелятивных” категорий. Степени сравнения он относит к числу непоследовательно коррелятивных категорий, то есть к таким, которые “могут быть представлены корреляциями форм одного слова, но вместе с тем репрезентуются и формами разных слов”².

Меньшая острота споров украинских грамматистов по поводу рассматриваемой категории объясняется, видимо, тем, что украинские степени сравнения синтетически унифицированы, формально последовательно выводимы друг из друга, а аналитические образования мало распространены и периферийны. Разногласия наблюдались лишь по вопросам вхождения/невхождения позитива в парадигму категории и словоизменительного либо словообразовательного статуса ее³.

Современная трактовка категории степеней сравнения связана с новейшими концепциями русских и украинских грамматистов, среди которых выделяется функциональная грамматика А.В. Бондарко и комплексный подход к грамматическим единицам И.Р. Выхованца и А.А. Загнитко. Последователи А.В. Бондарко рассматривают степени сравнения в одном ряду с равноуровневыми средствами градационности (выражения степени) признака⁴. Два исследователя, параллельно и независимо друг от друга писавшие кандидатские диссертации на материале русского (Ю.Л. Воротников) и украинского (Т.С. Баран) языков⁵, включили в эту функционально-грамматическую сферу (термин Ю.Л. Воротникова), кроме степеней сравнения наречия, интенсификаторы и кванторы, уменьшительные и увеличительные суффиксы, префиксоиды, гаплогонии, сравнительные обороты, некоторые виды придаточных предложений и др.

Авторы “Пражской грамматики” свели качественные прилагательные и наречия в единую морфологическую парадигму, что по-

¹ Ярцева В.Н. Указ. соч. — С. 24—25.

² Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. — Л., 1975. — С. 57.

³ См.: Баранник Д.Х. Прикметник // Сучасна українська літературна мова: Морфологія / За ред. І.К. Білодіда. — К., 1969. — С. 140—237.

⁴ Бондарко А.В. Указ. соч. — С. 57.

⁵ Баран Т.С. Система средств выражения степени признака в современном украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — К., 1987; Воротников Ю.Л. Указ. соч.

зволило им целостно рассмотреть категорию степеней сравнения. При таком подходе они, как и тартуские грамматисты М.А. Шелякин и Ю.П. Князев¹, пришли к выводу о существовании трехчленной словоизменительной категории степеней сравнения.

И.Р. Выхованец, рассматривая грамматические категории украинского языка в лексико-грамматическом аспекте и учитывая комплекс морфологических, функционально-синтаксических и семантических факторов, приходит к выводу о словообразовательном характере категории степеней сравнения. Он обуславливается как формальным аспектом их деривации, так и семантическими модификациями по сравнению с положительной степенью².

А.А. Загнитко стремится рассмотреть грамматические категории как в онто-, так и в филогенезе, в системе предикатности и предикативности предложения³. В своей докторской диссертации он справедливо отмечает близость категории степеней сравнения к межуровневой категории глагольной валентности. По А.А. Загнитко, это словообразовательно-синтаксическая категория, имеющая в поверхностном представлении морфологическое выражение⁴.

Сказанное выше дает основание квалифицировать степени сравнения в русском и украинском языках как межуровневую и межчастеречную лексико-грамматическую словообразовательно-синтаксическую категорию.

Принято считать неизменяемый русский компаратив прилагательным, если он употребляется в функции сказуемого или определения: *Этот плащ теплее; Плащ теплее мог бы согреть*, и наречием — в функции обстоятельства или стативного предикатива: *Одень его теплее; Вчера было теплее*⁵. Эта дифференциация

¹ Князев Ю.П. О семантике степеней сравнения прилагательных // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 524. — Тарту, 1980. — С. 62—67; Шелякин М.А. О семантической структуре степеней сравнения прилагательных, частных значениях и морфологических формах // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 651. — Тарту, 1983. — С. 70—74.

² Выхованец І.Р. Частини мови в лексико-граматичному аспекті. — К., 1988. — С. 101.

³ Загнітко А.П. Морфологічні категорії в системі предикатності та предикативності речення. — К., 1990.

⁴ Загнітко А.П. Система и структура морфологічних категорій сучасної української мови: Проблеми теорії. — К., 1992. — С. 51.

⁵ В данном разделе разграничение наречия и так называемой “категории состояния” не является релевантным.

строится на внешних синтаксических различиях, хотя ее основание лежит глубже — в семантической природе подвергаемых сравнению денотатов. В первом случае — это субстанциальные объекты, а во втором — предикативные признаки (динамические или статические). Скорее, здесь следует говорить не о морфологическом наречии, а о синтаксическом прилагательном либо наречии.

Устоявшееся в русле функционального направления положение о допустимости межуровневых и межчастеречных грамматических категорий позволяет проводить сопоставление деривационно-синтаксических гибридных категорий русского и украинского языков, охватывающих адъективную и наречную лексико-грамматическую сферу.

Разноуровневые конститuentы рассматриваемой категории интегрируются семантической доминантой, которую определяют (с незначительными вариациями) как “выражение степени (меры) признака, без которой он не имеет качественной определенности”¹. Конструкции с *менее/наименее // меньше/наименее*, обозначающие исходящую градацию признака, не включают в парадигму данной категории, так как они квантифицируют сам признак, а не его степень².

Сопоставление категорий степеней сравнения в разных, особенно близкородственных языках должно проводиться с учетом как формального, так и семантического аспектов, включая также функциональные характеристики.

Многие русские и украинские грамматисты не включают положительную степень прилагательного и наречия в парадигму степеней сравнения, отказывая ей в “выражении сравнения”³. На наш взгляд, сравнение понимается ими слишком одномерно и прямолинейно. Позитив является исходным, нейтральным пунктом развертывания парадигмы степеней сравнения. Его немаркированность в отношении категориальных оппозитивных значений — сопоставительной / выделительной относительности и предельности — не может вывести позитив за

¹ Шелякин М.А. Указ. соч. — С. 68.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 112.

³ См.: Арват Н.Н., Арват Ф.С. Сопоставительное изучение русского и украинского языков в школе. — К., 1989; Баранник Д.Х. Зазн. праця. — С. 140—237; Зорівчак Р.П. Прикметник // Порівняльні дослідження з граматики російської, української та англійської мов. — К., 1981.

пределы степеней сравнения. Положительная степень образует с двумя остальными степенями сравнения привативные оппозиции, тогда как компаратив и суперлатив между собой — эквиволентную. Относительность является основным признаком, отграничивающим компаратив и суперлатив от остальных средств выражения степени признака. Лишь в определенных микроконтекстах значение положительной степени приобретает относительность. Однако сравнение пропозиций *Петр добрее Ивана // Петро добріший за Івана* и *Петр в сравнении с Иваном добрый // Петро порівняно з Іваном добрий* показывает, что в первом случае устанавливается взаимоположение двух предметов по степени признака, а во втором — данное, привычное, нормативное взаимоположение характеризуется с новой точки зрения¹.

Позитив в силу своей способности непосредственно представлять нормативную степень признака входит в состав трехчленной категории степеней сравнения в качестве немаркированного члена. Он способен выражать широкий спектр коннотативных модификаций нормативного значения, передаваемый средствами разных уровней языка и речи, сохраняя, однако, безотносительность к другому признаку, нерелятивность.

2. ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Степени сравнения — это лексико-грамматическая категория, так как они охватывают лишь часть прилагательных и наречий, ориентируясь на лексемы с диффузной качественной семантикой. Весьма сходны существующие в обоих рассматриваемых языках лексические ограничения на образование компаративных и суперлативных дериватов. В частности, непозитивные степени сравнения не образуются в обоих языках от относительных прилагательных, от качественных прилагательных, обозначающих недиффузный абсолютный признак (собственно-качественные, по терминологии А.В. Исаченко), напр.: *живой, мертвый, немой, слепой, пустой // живий, мертвий, німий, пустий*; обознача-

¹ Поцелуевский Е.А. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. — М., 1974.

ющие масть животных: *гнедой, буланый, вороной // гнідий, буланий, вороний*; от прилагательных, обозначающих безотносительную степень признака: *здоровенный, прескверный, сверхскромный // здоровенный, препоганий, надскромный*. Такие ограничения не носят абсолютного характера. Так, Р.П. Зоривчак утверждает, что степени сравнения не образуются от названий цветов, “образованных сравнительно позже, главным образом по цвету определенных предметов”, причисляя к таковым и укр. *жовтогарячий*¹. Однако у Григора Тютюнника мы встречаем сравнительную степень: *Сонце звернуло з полудня, світило навскіс, і Климкова тінь з торбиною ковзала у надвечірньому промінні — ближчали і ближчали, ставали більші й жовтогарячіші промені*.

Сохраняют невозможность образования степеней сравнения и качественные наречия, транспонированные от таких прилагательных в приглагольную позицию и морфологически оформившиеся суффиксами -о, -е: *слепо, глухо, жгуче // сліпо, глухо, боляче* и т. д.

Степени сравнения, определенным образом организуя микроконтекст, сами попадают под воздействие макроконтраста, в зависимость от его стилевой принадлежности. Присущие художественным и публицистическим текстам установки на эффект выразительности и аттрактивности вызывают появление аномальных градуальных дериватов, причем в русском языке это явление распространено значительно шире. В частности, наблюдаются неопозитивные степени сравнения от относительных прилагательных: *Снеговое скатерти, — Мертвец — весь сказ* (М. Цветаева) // *Наша економіка була найплановішою у світі* (Голос України)². Некоторые позитивные степени сравнения не имеют соответствующей положительной степени: *Думать бросивши, звереет человек. Он звереет, мы зверей того делаемся* (В. Астафьев); *Снобейший сноб ездил в ржавой акуле* (В. Аксенов) // *Наша троянда, здається, трояндніша за москвичку, котру означили: “непідробна свіжість троянди, що розпускається”* (Голос України)³. Специфические речевые

¹ Зорівчак Р.П. Зазн. праця. — С. 149.

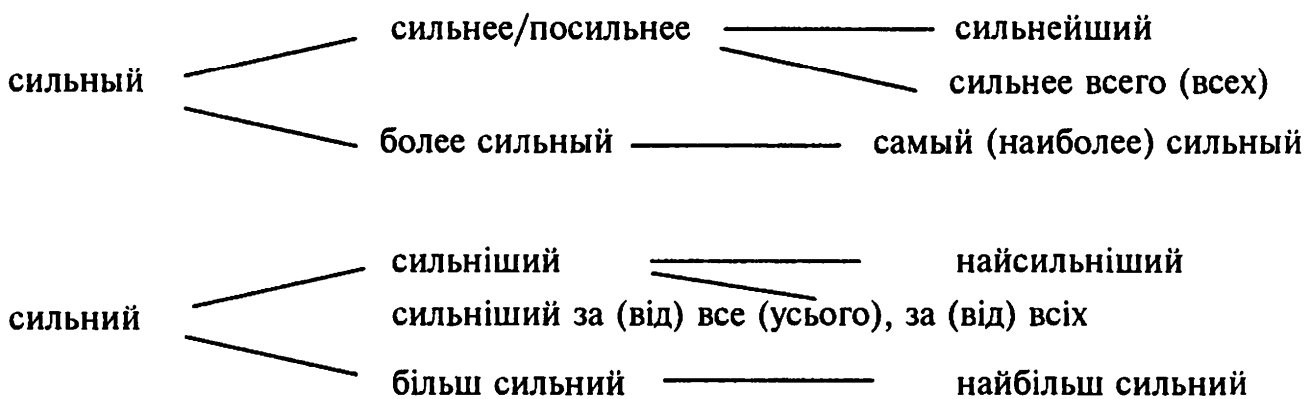
² См.: Архангельская Т.А. Степени сравнения относительных прилагательных, приобретающих качественное значение // Уч. зап. Моск. гос. пед. инта. — Т. 451. — М., 1971. — С. 167—178; Масальський В.І. До питання про творення форм вищого ступеня прикметників в українській мові // Мовознавство. — 1936. — № 9.

³ Пример из: Мусиенко В.П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — К., 1992.

интенции вызывают к жизни в сопоставляемых языках и степени сравнения тех качественных прилагательных, которые в норме не могут их иметь в силу недиффузного характера обозначаемого признака: — *Он жив?.. — Мертвей и Гитлер не придумает* (Ф. Искандер) // ... *був німішим на погуки світу...* (П. Грабовський). Зафиксированы непозитивные дериваты и от местоимений: *А правдисты бывшие где? Уж куда были своей! — увильнули от правдистской колеи* (А. Солженицын); *Ты душеблуд. У тебя нынче сам, завтра еще Самее* (А. Злобин) // *“Свої та своїші”* (в газетном заголовке), от предикативных некачественных наречий: *Он самый бездельный, самый непричем, неприкаянный* (В. Ямпольский) // *Та на ці суто київські враження яось незбагнено накладались інші пейзажі, де Зеров, можливо, був іще більш вдома* (С. Білокінь).

И русские, и украинские степени сравнения характеризуются формальным дуализмом, так как могут манифестироваться как синтетическими, так и аналитическими морфемами. В обоих языках образуются параллельные ряды адъективных дериватов:

Обращает на себя внимание большая соотносительная корректность украинских дериватов, где синтетическая превосходная степень непосредственно образуется от компаратива префиксальным способом, причем префикс **най-** прибавляется как к производящей основе, так и к аналитической морфеме **більш**. Русский формальный аналог **най-** передает чисто усилительное значение (*наисильнейший*) и жестко ограничен стилистически. Составной дериват превосходной степени в украинском языке сохраняет перед послеслогами *за (від) все (усього), за (від) всіх* все формы адъективной словоизменительной парадигмы. Вопреки высказанному Б. Куликом мнению о нормативности в украинском языке превосходной степени с *самий*¹, такие образования следует считать ин-

¹ Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М. Сучасна українська літературна мова. — К., 1964.

терференционными. Так, например, Григорий Тютюнник использует это сочетание для стилизации речи малообразованного человека: *Хвилинами Кузь зупинявся і роздумував про те, що самий найученіший чоловік на землі не може розгадати, що за дивне створіння людина.*

Сохранение украинскими синтетическими непозитивными степенями адъективной природы и деривационных потенций прилагательного иллюстрируют нередко встречающиеся деминутивные суффиксальные образования: *Вона росте ще, завтра буде вищенька* (Л. Костенко); *Вдало увиразнює цей переполох образ одного з найменшеньких учнів, який сховався у куток* (А. Погрібний). Подобные дериваты транспонируются и в приглагольную наречную сферу: *Сідай лиш ближченько, отут* (Т. Шевченко). В русском языке подобное явление отсутствует.

Русский синтетический компаратив, закрепившись в позиции именной части составного глагольного сказуемого, утратил ставшие избыточными флексии и формально адвербиализовался¹. Компаративные финали *-е, -ще, -ее* следует признать деривационными суффиксами, так как отсутствуют характерные для флексий в русском языке многочленные оппозиции, да и семантические модификации по сравнению с исходным значением позитива слишком значительны. Русские дериваты представляют собой пример более последовательной, чем в украинском языке, транспозиции, включающей, кроме синтаксической, морфологическую ступень.

Кроме того, компаратив с префиксом *по-* является особенностью русского языка и не имеет аналогов в других славянских языках. В украинском языке подобные образования являются до определенной степени чужеродными и могут без ущерба для смысла заменяться обычными компаративами: *Обняла його Уляна за*

¹ Пережиточным следует признать употребление формы на *-ейший / -айший* в значении компаратива, напр.: *Но есть у Пугачева, кажется, еще подлейший поступок* (М. Цветаева). Только две формы закрепились в русском языке в этом значении — *дальнейший, позднейший*. Еще в начале XIX в. значение этих форм было неустоявшимся. Ср. у Лермонтова: 1. *Беднейший среди существ земных* (суперлативное значение); 2. *Наш прах лишь землю умягчит другим, чистейшим существам* (компаративное значение); 3. *Я не могу любовь определить, но это — страсть сильнейшая* (элативное значение). См. также: Еськова Н.А. Употребление форм прилагательного с суффиксами *-ейш-/-айш-* в значении сравнительной степени в русском литературном языке XIX—XX вв. // Уч. зап. Башкир. пед. ин-та. Вып. VII. — Уфа, 1956. — С. 32—44.

спину поміцніше (ср. міцніше) та й повела геть від смерті (Г. Тютюнник). Интерференционный характер образований с по- доказывает его неизменяемость в следующем примере: *Вартові матір посварили, але особливо не докучали, і один з них, постарше, вказав: "Ти, стара, не рюмсай!"* (Г. Тютюнник). Неестественно выглядят в украинском и склоняемые компаративы с по-: *Може, то лисиця вигулювала очеретами, може, вовк-сіроманець підшукував собі посухіший острівець* (Г. Тютюнник); *Кожен із нас залишився собою, хоч, висвітлений на побільшому екрані, доокреслився за рахунок невикористаних можливостей* (В. Стус). Показательно, что они не упоминаются и не интерпретируются в имеющихся украинских грамматиках.

В обоих языках существуют доминантные для простых сравнительных степеней суффиксы -ее и -іш-, которые оттягивают на себя ударение и, имея в начале гласный, сохраняют, как правило, "первозданный" вид корневой морфемы. Однако в русском языке распространен и непродуктивный суффикс -е, присоединяющийся к основам, оканчивающимся на г, к, х, д, т, ст, ск. Он обуславливает регулярные чередования согласных, напр.: *строгий — строже, молодой — моложе, тихий — тише, простой — проще* и т. д. Для обоих языков характерна тенденция усечения при компаративной деривации суффиксов -к- и -ок-: *глубокий — глубже, широкий — шире // глубокий — глибокий, широкий — ширший*. Если же суффиксальный элемент основы сохраняется, то в русском языке наблюдаются чередования (*яркий — ярче*), а в украинском остается -к- (*мілкий — мілкіший, гладкий — гладкіший*). Напротив, немногочисленные морфотактические изменения корневой морфемы в украинском происходят при усечении суффикса, если корень оканчивается на с, з, г: *вис+ш(ий) → вишщ(ий) → вишч(ий)*, орфографически *вищий*; *дорог+щ(ий) → дорожщ(ий) → дорожчий*. "При образовании форм сравнительной степени здесь происходит двойной фонетический процесс: с, з, г в результате регрессивной ассимиляции по месту образования уподобляется шипящему (з+ш → жш, с+ш → шш, ч+ш → шш), а после этого происходит прогрессивная диссимиляция фрикативного ш в аффрикату ч"¹.

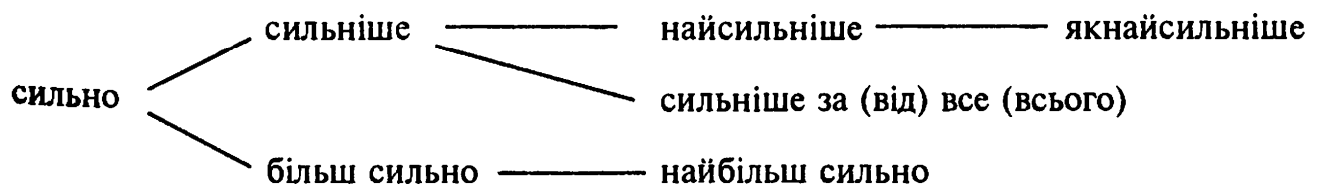
Внутрисистемное стремление избежать морфотактических искажений основных смысловесущих корневых элементов в укра-

¹ *Майборода А.В.* Прикметник // Кононенко В.І., Бріцин М.Я., Майборода А.В. Порівняльна граматики російської та української мов. — К., 1978. — С. 153.

инском языке реализуется с помощью суффикса *-іш-*, а в русском — при помощи аналитической морфемы *более*, которая явственно расширяет свое функционирование. В частности, компаративы с *более* из сферы книжной речи все чаще проникают в устную речь интеллигенции. «Аналитические формы такого образования (то есть с *більш.* — А. К.) в украинском языке распространены меньше, чем в русском, т. к. продуктивный суффикс *-іш-* достаточно полно охватывает группу качественных прилагательных»¹. Как следствие, область функционирования в украинском языке форм с *більш/найбільш* более сужена, а их образование обуславливается такими факторами, как длина производящего позитива, его заимствованный характер (*більш цивілізований, більш серйозний*) или необходимостью смысловой дифференциации: *Ходить танк чи то на бензині, чи то на більш важкому пальному — питання технічне* (Ю. Яновський). «Употребление формы *важчий* наводило бы на мысль о весе горючего, тогда как на самом деле речь идет о его качестве. Аналитическая же форма *більш важкий* позволяет не вносить внешнего нарушения во фразеологическое сочетание «важке пальне»»².

Приведенные выше морфологические различия характерны и для наречий-деадъективов в обоих языках. Существует, однако, одна весьма важная деталь, демонстрирующая «размытость» и непоследовательность оформления категории степеней сравнения в русском языке по сравнению с украинским. В последнем сохраняется трехчленный градуальный адвербиальный ряд: позитив — суффиксальный компаративный дериват — откомпаративный префиксальный дериват, осложненный аналитическими энклитическими и постклитическими образованиями:

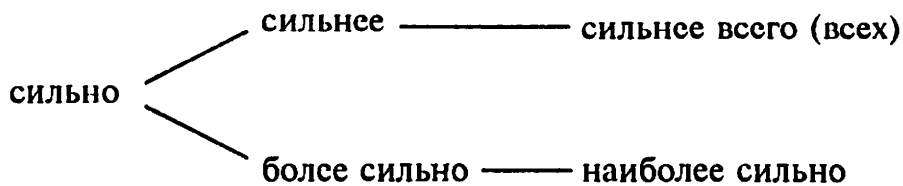
Устанавливаются межпарадигматические соответствия *сильний* — *сильно*, *сильніший* — *сильніше*, *[най]більш сильний* — *[най]більш сильно*, *сильніший за все (всіх)* — *сильніше за все (всіх)*, *найсильніший* — *найсильніше*. В русском же языке сложная превосходная

¹ Майборода Л.В. Прикметник. — С. 155.

² Карпенко Ю.О. Ступені порівняння прикметників в українській мові // Укр. мова в школі (УМШ). — 1960. — № 1. — С. 9.

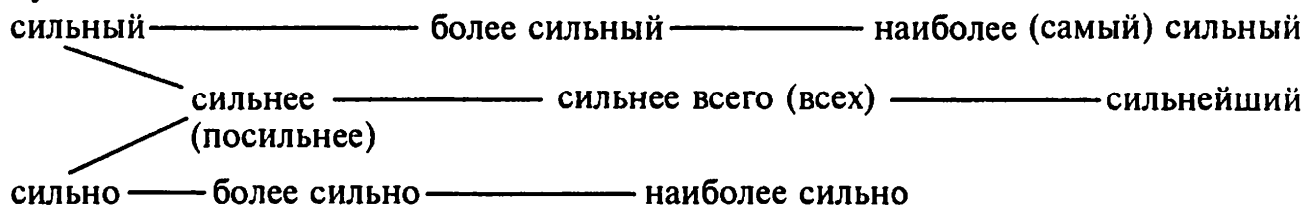
степень не имеет возможности транспонироваться в адвербиальную сферу, так как аналитическая морфема *самый* адъективно оформлена и не может быть адвербиализована (**само*). Следовательно, возникает такой градуальный ряд:

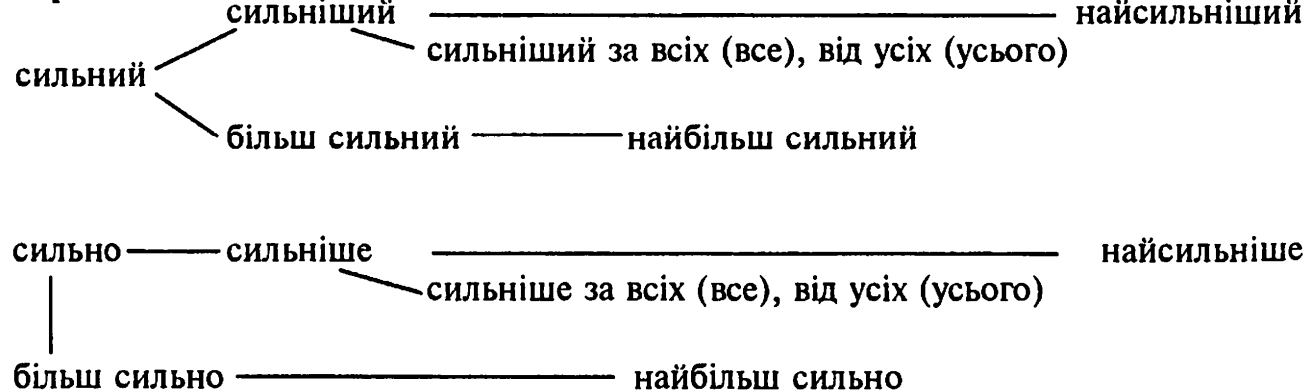
Здесь адъективное образование *самый сильный* не находит себе формального наречного соответствия, как *сильный* — *сильно*, *сильнее* — *сильнее*, *сильнее всего (всех)* — *сильнее всего (всех)* (в этих двух случаях адъективная и адвербиальная сферы перекрещиваются), *более сильный* — *более сильно*, *наиболее сильный* — *наиболее сильно*.

Итак, сводные парадигмы степеней сравнения качественных имен в двух языках выглядят следующим образом:

Рус.

Укр.

Таким образом, украинская сводная парадигма корректна и последовательна, а ее адъективная и адвербиальная субпарадигмы не пересекаются. В русском языке эти сферы пересекаются в формах простого компаратива и составного суперлатива, а в отношениях между субпарадигмами наблюдается частичная коррелятивность¹.

¹ В частности, практически отсутствуют корреляты адъективам на *-ейший* (*-айший*), так как образования *нижайше*, *покорнейше* устарели.

Несколько в стороне от парадигматической матрицы стоят русские склоняемые компаративы *меньший*, *большой*, *лучший*, *младший*. Хотя с диахронической точки зрения они являются реликтами, эти образования весьма активны и в современном русском языке¹. Возможно, это объясняется их автосемантической и генерализованностью значения, что находит выражение в их частой аппозиции, субстантивации и в возможности приобретения словом *лучший* суперлативного значения. Кроме того, *меньший* и *лучший* формально не связаны с соответствующими позитивами, а *младший* не может быть в современном языке семантически соотнесено с *молодой*.

3. СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

С учетом интенциональности и синсемантической адъективов и адвербов рассмотрение степеней сравнения должно включать не только морфологический, но и синтаксический аспект.

В обоих языках синтаксические связи сравнительной степени определяются тем, что с логической точки зрения она является (как оператор сравнения) двухместным предикатом². Если исходить из схемы языкового сравнения, предложенной Т.А. Тулиной³ и предполагающей в полностью эксплицитированном виде четыре члена (показатель сравнения — основание сравнения — две предметные переменные), то следует заметить, что сравнительная степень совмещает в себе показатель и признак-основание сравнения, вследствие чего схема может приобретать трехчленный вид: *Иван сильнее Петра // Иван сильніший за Петра*, либо сохранять четыре члена, если имеется дополнительный показатель сравнения *чем (нежели) // ніж (аніж)*: *Иван сильнее, чем Петр // Иван сильніший, ніж Петро*. “В качестве падежа сравнения именительный слабее, чем родительный (добавим, что в украинском родительный употребляется с предлогом *від* и винительный — с предлогом *за*. — А.К.). Поэтому такое его значение должно быть усилено дополнительным лексическим средством — сравнительным союзом *чем*”⁴.

¹ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. — К., 1952. — Т. 1. — С. 137.

² Воротников Ю.Л. Указ. соч. — С. 14.

³ Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки (НДВШ ФН). — 1973. — № 1. — С. 21—23.

⁴ Тулина Т.А. Указ. соч. — С. 52.

Вряд ли можно признать нормативным изредка встречающееся в украинском языке прикомпаративное употребление сравнительного союза *як*: *Опанас поганший, як ми його знаєм; Василій Іванович вернувся з Італії ще товщий, як був, і розумніший, і добріший* (из писем Т. Шевченко).

Заполнение правых, объектных позиций при адъективном компаративе в русском и украинском языках формально-синтаксически различается. В русском языке — это родительный беспредложный имени или его субститута, а в украинском — родительный с предлогом *від* или винительный с предлогом *за*, где предлоги десемантизировались и “оттянулись” к компаративу, функционально став его послелогоми¹. Как показал П.О. Бузук, эти формы являются рефлексамии индоевропейского и праславянского аблатива, но в русском сохранилась формальная идентичность генетива и аблатива, а в украинском предлоги восстанавливают первичный пространственный элемент семантики аблатива².

Заимствованный из русского характер беспредложного управления в украинском языке доказывает тот факт, что оно наблюдается, как правило, при заимствованных же неизменяемых присубстантивных компаративах: *І ясна ніч мене не втіше, І ти її стократ миліше* (О. Олесь). Такие формы могут употребляться в составе устойчивых сравнений, выражающих нерасчлененное значение: *...скільки не скреби, то воно біліше лебедя не буде* (Григір Тютюнник); *Чорніше чорної землі блукають люди* (Т. Шевченко). Как правило, в их составе имеется “ложный” объект сравнения — носитель данного признака в высокой степени: *Меду солодші для мене слова ті...* (М. Зеров); *Тітки — біліші наміток* (Л. Костенко). Большей смысловой цельности таких конструкций по сравнению с обычными сравнительными оборотами соответствует и более цельная, более синтетическая оформленность.

Несколько особняком в формально-синтаксическом плане стоит русский префиксальный компаратив. Для него характерно значительное преобладание атрибутивных, обычно постпозитивных употреблений: *Но вслед за похмельем кому-то требуется забвение поглубже* (Известия); *Одни, поблагоразумней или потрусова-*

¹ Вихованець І.Р. Нариси функціонального синтаксису сучасної української мови. — К., 1992. — С. 104.

² Бузук П.О. Уваги з приводу casus comparationis // Зб. іст.-філол. відділу УАН. — Кн. 76. — Ч. 1.

тей, умягчили свой режим (А. Солженицын). Особенно часто компаратив с префиксом *по-* выступает предикатом придаточной изъяснительной части, где подлежащее — местоимение *кто*: *Будь ты штатский иль военный, Дай тому, кто побойчей* (А. Твардовский); *Те, кто порасторопнее, как правило, заранее находят себе работу* (Известия); в том числе и без соотносительного указательного местоимения: *Люди прислушивались к тем согласным звонам и, кто постарше да попамятливее, догадывались...* (С. Михеенков). При таком автономном употреблении оборот *кто* + префиксальный компаратив выступает в качестве самостоятельного подлежащего: *Кто пооткровеннее, заявляют, что нет больше сил воевать с бюрократами* (Известия).

Беспрефиксальный компаратив в русском (в отличие от украинского) очень редко определяет местоимение *кто*: *Здесь был общий мировой закон: побеждает тот, кто жесточе* (А. Солженицын).

При префиксальной форме более регулярно употребляется усилительная частица *и*: *Перебежчиков и так у него было много, и были среди них и поценнее ничем не замечательного дворянского сына Гринева* (М. Цветаева); *Есть аппарат и пострашнее самогонного* (Известия).

Можно указать главные различия в синтаксическом функционировании синтетических и аналитических компаративов в русском и украинском языках¹:

1) для русских аналитических компаративов характерна препозиция, а для синтетических — постпозиция, тогда как украинские в норме препозитивны;

2) русские синтетические компаративы закрепились в функции сказуемого, тогда как аналогичные украинские дериваты чаще бывают определениями;

3) синтетические формы, в отличие от аналитических, в обоих языках открывают объектную валентность не только для сравнительного оборота с *чем // ніж*, но и для падежных именных форм;

4) преобладают употребления синтетических форм с эксплицитно выраженным объектом сравнения, а аналитических — с элиминированным;

5) аналитические формы, в отличие от синтетических, почти не употребляются с кванторами точной меры различия степеней признака;

¹ Еще раз оговорим разницу стилистико-статистических параметров аналитических компаративов в русском и украинском языках.

б) аналитические формы почти не образуют грамматикализованных конструкций с суперлативным значением в сочетании со *всего (всех) // за (від) все (усього)*;

7) в русском языке синтетические дериваты практически не способны субстантивироваться и, следовательно, выступать в качестве подлежащего или дополнения. В украинском же, вследствие адъективного оформления синтетического компаратива, эта особенность не наблюдается: *Обережніші хуленько відступили від незрозумілого предмета* (М. Дашкиев).

Другими, более редкими случаями грамматической экспликации объекта сравнения в микроконтексте объемом до предложения¹ в обоих языках выступают:

1) сочинительные противительные конструкции типа *Петр ленив, а Иван еще ленивее*² // *Вовк лютий, а ця звірюка ще лютіша*;

2) придаточные определительные или изъяснительные, представляющие собой ответы на косвенные вопросы: *Я не знал, что крепче и ценней: тишь предгорья или взмывы вала...* (Н. Асеев) // *В обіймах з радістю журба, Одна летить, друга спина...* *І йде між ними боротьба, І дужчий хто — не знаю я* (О. Олесь);

3) предлоги и условные придаточные части, которые демонстрируют, эксплицируют не только объект, но и самоё “идею”, операцию сравнения: *Первое противопоставление оказывается семантически важнее и универсальнее сравнительно со вторым противопоставлением* (Р. Будагов); — *Если сравнивать мою работу там с нынешней, — говорит Ракель, — то система семейного врача, несомненно, более прогрессивная* (Известия) // *Порівняно з Катериною наймичка Ганна — натура безмірно глибша* (І. Франко); *Речення, що входять до складу тексту, мають... дещо слабкіший зв'язок (порівняно з реченнями, які утворюють складні речення)* (І. Вихованець);

4) аргументы сравнения, представляющие собой множество однородных предметов, обычно закрытое (два и более), могут вводиться предлогами *из, среди // з-поміж, серед* и др.: *Из двух врагов, стоящих друг против друга, — Церкви и Революции, — Церковь идеальнее и возвышеннее* (В. Розанов) // *З-поміж братів Артемко був тямковитішим і моторнішим* (І. Цюпа).

В обоих языках являются регулярными следующие способы включения сравнительной степени в суперлативный контекст³:

¹ Колшанский Г.В. О природе контекста // *Вопр. языкознания*. — 1959. — № 4. — С. 48—49.

² Карцевский С.О. Сравнение // *Вопр. языкознания*. — 1976. — № 1. — С. 110.

³ Данные образования могут служить еще одной иллюстрацией классического положения об асимметрии языкового знака.

1) вполне грамматикализованными признают исследователи (напр., Н.А. Еськова)¹ сочетания компаратив + *всего (всех)* // компаратив + *за все (всех)* (последнее в меньшей степени, так как множественное число местоимения содержит указание на множество объектов сравнения): *Предпочтительней всего — петиционное движение, но с революционными лозунгами* (А. Солженицын); *Были телексы от нескольких западноевропейских клубов, но настойчивее всех оказалась "Севилья"* (Известия) // *Практичнішим від усіх виявився молодик, що торгував дефіцитом прямо з службового ходу* (Веч. Київ); *Але сильніш за все хотілося Миколі не вилазити звідси годин із двадцять* (С. Дудар);

2) суперлативное значение имеет и конструкция *нет (не было)* + компаратив + род. п. // *немає (не було)* + компаратив + род. п.: *Но в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас* (А. Ахматова); *Страшен чиновник — лицо, как тюфяк — Нету его ни страшней, ни нелепей* (О. Мандельштам); *Но в целом мире не было людей Забитее при всей наружной спеси* (Б. Пастернак) // *Немає мудріших, ніж народ, учителів* (М. Рильський).

Реже подобное значение выражают другие конструкции с отрицанием: *Дремлющий человеческий разум все еще склоняется к мысли о том, что, кроме нас, в мироздании никого нету, а уж умнее и быть не может* (В. Астафьев); *Виртуозней и ловчее истамбульского шофера в целом свете, как ни бейся, не найти* (Б. Окуджава) // *Людина живе, щоб жити. Дуже неокреслено, але окресленіше не сказав ще ніхто* (В. Стус);

3) специфическую семантику возможно высшей меры признака выражают сочетания *как можно (нельзя)* + компаратив // *якомога* + компаратив: *Сталин и Молотов были заинтересованы в том, чтобы состав Оргбюро был как можно более узок* (Огонёк) // *Нам потрібно бути якомога обережнішими;*

4) конструкция *трудно // важно* + инфинитив + вин. п. существительного + компаратив, где инфинитив — глагол мыслительной деятельности: *Более чудовищную нелепость трудно себе представить* (Огонёк) // *З турнірної точки зору цікавішу кінцівку чемпіонату важко придумати* (Веч. Київ);

5) компаратив приобретает суперлативное значение в составе риторического вопроса, подразумевающего отрицательный ответ, который означает, что мера данного признака — наивысшая: *О,*

¹ Еськова Н.А. Об одном случае разграничения описательных конструкций и аналитических форм (сочетания типа *сильнее всех* и *сильнее всего*) // НДВШ ФН. — 1971. — № 3. — С. 55—63.

есть ли что на свете мне знакомей, Чем шпилей блеск и отблеск этих вод! (А. Ахматова); *Отчего отстают поэзия? От чего отстают она? Да и что ее бесполезнее в переломные времена?* (В. Корнилов) // *Бо що є прекраснішого, як тая мати молода з своїм дитяточком малим?* (Я. Гоян); *Рідна мова в рідній школі! Що бринить нам чарівніш? Що нам ближче, і миліш, і дорожче в час недолі?!* (О. Олесь).

Среди соотносительных структур с компаративом, в которых сравниваются два предиката¹, особняком стоят сложные предложения с союзами *чем...*, *тем (что..., то)* // *чим...*, *тим (що..., то)*. Они специфически ориентированы на грамматическую категорию степеней сравнения², характер синтаксической связи между их частями не имеет аналогов в русском языке³, и, добавим, в украинском. А.М. Мухин на том основании, что отношения между частями не сводятся к причинно-следственным, так как имеет место обратимость частей (*Чем более красива книга, тем более она дорога = Чем более дорога книга, тем более она красива*), назвал подобные образования “сложное социативное целое” (ССЦ)⁴: *Чем ближе час, тем сон тяжеле* (А.К. Толстой) // *Складаючи легенди, фріци діяли за принципом: чим невірогідніша брехня, тим більше схожа на правду* (О. Коломієць).

Большая семантическая самодостаточность и автономность суперлатива обуславливает значительное преобладание употреблений превосходных степеней без эксплицитно выраженного множества объектов сравнительного выделения (имплицитно подразумевается целый класс однородных объектов) и сравнительную бедность грамматических средств такой экспликации. Наиболее типичными средствами обозначения множества сравнительного выделения являются субстантивные генетивные плюральные синтаксемы с предлогами *из, среди* // *з, серед, з-поміж*: *Воистину Шевченко самый нежный и ласковый из всех в мире поэтов* (К. Чуковский); *Из всех звуков для меня самый главный и самый жизненный — мышинный писк* (В. Песков); *Все-таки славно придумано: найти среди тысяч самую остроумную, находчивую...* (Известия) // *Степан Руданський належить, без сумніву, до найбільше талановитих поетів серед тих, що появились по смерті Шевченка*

¹ Карцевский С.О. Сравнение // Вопр. языкознания. — 1976. — № 1. — С. 109.

² Ванслова Л.М. Сложные предложения с союзом *чем—тем* // Вопр. языкознания. — 1957. — № 2. — С. 96—101.

³ Головенко Е.И. Указ. соч.

⁴ Мухин А.М. Структура предложений и их модели. — Л., 1968. — С. 38.

(І. Франко); *Тебе ношу я в грудях темних І в невсипущому мозку — Мою найкращу з дум наземних* (М. Рильський); *З-поміж усіх будівель на цій вулиці будиночок з химерами був найоригінальнішим* (Веч. Київ).

Как отмечалось, любой эксплицитный рестриктор в правой позиции придает превосходной степени суперлативный характер¹, тем или иным образом ограничивая множество сравнения. В подобной роли регулярно выступают в обоих языках:

1) притяжательные генетивные синтаксемы: *Академик П.Л. Капица считал захоронение радиоактивных шлаков самой трудной задачей ядерной энергетики* (Известия) // *Допінг — чи не найстрашніша біда сучасного спорту* (Веч. Київ);

2) локативные синтаксемы: *Самым выдающимся лицом в очереди был высокого роста человек в зимней бекеше* (А. Макаренко) // *Се був найзначніший в Україні притулок освіти та науки* (І. Огієнко);

3) сочетание предлога для с дат. п. существительного (одушевленного или отглагольного): *Самый волнительный нынче для болельщиков вопрос: расскажите о переменах в вашей команде* (Известия); *Монреаль, Мельбурн и Сиэтл — самые удобные для жизни крупные города* (Известия) // *Найгірше для Олени наставало зимою* (Г. Тютюнник); *... ця речовина вважається найпридатнішою для виготовлення високоякісних парфумів* (Україна);

4) адъективная экспликация: *Ответственность за все сделанное и несделанное — не моральная, а самая предметная* (Известия) // *Найогидніші очі порожні, ... Найнікчемніші дурні вельможні, Найпідліша брехлива сльоза* (В. Симоненко).

4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В случаях, когда субъект и объект сравнительного превышения или субъект и манифестант множества сравнительного выделения разведены в контексте, в силу вступают логико-семантические факторы. Для придания компаративному или суперлативному предикату валентной завершенности на семантическом уровне должны производиться логико-семантические процедуры. Они

¹ Воротников Ю.Л. Употребление форм сравнительной степени с приставкой по-. — С. 12.

могут выявить соотнесенность материального и “дематериализованного” аргументов предиката. Это может быть установление лексических парадигматических отношений, например, в предложении *И вытаскивает Дидель из котомки заповедной Самый легкий, самый звонкий Свой березовый манок* (Э. Багрицкий) — по предыдущему тексту *березовый*, а не *бузинный* и не *сосновый* — носительные прилагательные, образованные от названий деревьев. При анализе отрывка *Думаю про світогляд: як на мене, це поняття дуже метафізичне. Більш дійове почуття — співвідношення мусу і бажання, волі і логіки, волі і мусу* (В. Стус) прикомпаративный объект (*світогляд*) восстанавливается при семантическом соотнесении *світогляд — поняття — почуття — мус, бажання, воля*.

Достаточно часто объект или множество сравнения вообще отсутствует в контексте и восстанавливается по пресуппозиции, напр.: ... *надо сказать, польская социологическая школа остается одной из наиболее авторитетных* (Известия) — по пресуппозиции, *польская*, а не, скажем, *чешская, болгарская* или *гаитянская* // *Лебединий пух справедливо вважається найніжнішим* (Україна) — по пресуппозиции, среди *пухов* всех других птиц.

При отсутствии экспликации правой части действует механизм приоритетных стратегий, “выделяющих, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые”¹. В данном случае происходит редукция, эллипсис правых, становящихся семантически и прагматически избыточными, частей. По Ю.С. Степанову, вместо повторений одних и тех же имен или предикатов по несколько раз их различие “выражается наложением на одно и то же имя или один и тот же предикат различных координат”², а именно, координат прагматического локационного треугольника “я” — “здесь” — “сейчас”. По отношению к рассматриваемым нами предикатам-компаративам русского и украинского языков это означает элиминацию в объектной позиции того же имени или глагола, попавшего в иные по отношению к участникам речевой коммуникации временные и/или пространственные координаты.

При полном опущении объектной части и отсутствии каких-либо материальных дистантных восполнителей семантики компарати-

¹ Бергельсон М.В., Кибрик А.Е. К вопросу об общей теории языковой редукции // Разработка формальной модели естественного языка. — Новосибирск, 1981. — С. 344.

² Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка // Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985. — С. 307—308.

вного предиката обычно доминирует временная координата. Это связано с самой природой компаратива, передающего изменение степени признака, которое (как всякое изменение) может происходить только во временной динамике. Регулярной и нормативной является утрата объекта сравнения, когда компаратив является именной частью составного сказуемого, где глагольная часть — связка *быть // бути*, полусвязочные глаголы *становиться/стать // става-ти/стати; делаться/сделаться // робитися/зробитися*: ...но все длинней косые тени кленов... (О. Мандельштам); Суицид. Это страшное слово становится, как ни печально, все более привычным для нас (Комс. правда); ... нас лишь руины делают гуманней (Е. Евтушенко); ... он был почти неузнаваем: выглядел меньше ростом, суше, отчужденнее (В. Максимов) // І з кожним кроком до своєї смерті була усім видніша звідусіль (Л. Костенко); Стане ближчою наша мета, як не будуть у небо димом підніматись жіночі літа (В. Симоненко); Зробилося затишніше, — увійшли в хутір (Г. Тютюнник); ...він майже не посміхається при бійцях і зовсім не усміхається при жінках: він хотів здаватися більш серйозним (Г. Тютюнник).

Таким образом, по отношению к “я” говорящего (и реципиента) временная локализация имплицитного, полностью элиминированного объекта сравнения направлена в прошлое. Это связано с информационной насыщенностью и стабильностью прошлого в сознании речевого индивида и, как следствие, с возможностью его подразумевания. Об этом образно писал В.А. Жуковский: “...Существует только то, чего уже нет. Будущее может не быть; настоящее может и должно перемениться; одно прошедшее не подвержено изменемости: воспоминание бережет его...”¹. Именно в этом не подверженном изменемости прошедшем сознание располагает объект его сравнения — тот же субъект, но в стабильном, устойчивом мире прошлого.

Если же определяющей становится эгоцентрическая, субъективная координата, то субъект сравнения соотносится с нормой признака, выраженного основой компаратива. Этому термину отказывали в праве на существование² или ограничивали зону его применения безотносительными степенями качества³. Однако

¹ Цит. по: Лихачев Д.С. Как мы остались живы // Нева. — 1991. — № 1. — С. 5.

² Никулин А.С. Семантика степеней сравнения прилагательных в современном русском языке. — М., 1938.

³ Воротников Ю.Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке.

его применил по отношению к степеням сравнения прилагательных М.А. Шелякин¹. Он справедливо утверждает, что компаратив передает сверхнормативное значение в составе образных сравнений (*темнее ночи // гостріш штика*). Объект сравнения здесь носит “ложный” характер, выступает не в качестве референциального термина, а как носитель высокой нормы признака.

Некоторые морфолого-синтаксические условия в русском языке и синтаксические в украинском способствуют полной деконкретизации и генерализации объекта сравнения и его опущению в поверхностном представлении.

В русском языке на соотнесение субъекта с нормой признака ориентированы префиксальные и (в меньшей степени) аналитические компаративы. Многие исследователи отмечали неоднозначность сравнительной степени с префиксом *по-* в русском языке². Большинство префиксальных компаративов выражает релятивно-вещественные значения, среди которых принято выделять: 1) дублирующее беспрефиксальный или аналитический компаратив (количественно оно доминирует); 2) деминутивное (смягченное): *Некоторые из них были постарше меня, некоторые — помладше* (В. Солоухин), то есть “немного старше” и “немного младше”; 3) интенсивное или усилительное: *Вы же бегали, помнится, в морозы и покрепче* (Комс. правда); 4) выделительное (сходное с суперлативным): *Петя выбрал для учительницы букет покрасивее* — “Петя выбрал для учительницы самый красивый букет из всех букетов (предложенных ему на выбор)”. Однако представляется, что уже в 4-м пункте нет чистой относительности значения. Она опосредуется призмой субъективности, которая вкладывает в семантику соотнесение с субъективной нормой признака (...*выбрал букет покрасивее...* — “выбрал букет красивее нормального для выбирающего”). Это менее заметно в случаях, когда субъект сравнения (в предложении обычно прямое дополнение) имеет референтом определенное дискретное множество, как в приведенном вы-

¹ Шелякин М.А. Прилагательное // Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык: Теоретический курс. — М., 1989. — С. 74.

² Юхас Й. Формы сравнительной степени с приставкой *по-* // *Studia slavica*. — 1958. — Т. 4. — С. 60—78; Воротников Ю.Л. Употребление форм сравнительной степени с приставкой *по-* // РЯШ. — 1987. — № 3. — С. 86—89; Кирейцева А.Н. Релятивные и абсолютные значения префиксального компаратива (на материале современного русского языка) // Вест. ЛГУ. Серия 2. — Вып. 4. — 1989. — С. 79—81.

ше примере или в предложении ... *молодой бригадир перед осколком зеркала выбирает рубашку понаряднее* (В. Ермолова). Но субъективно-нормативный элемент значения актуализируется в большей степени при меньшей дискретности субъекта/объекта сравнения: *Наш фотограф выбирал пейзаж посимпатичнее* (Известия) (пейзажи мало дискретны и трудно исчисляемы) и при генерализации множества, выраженного субъектом/объектом: *Эмигранты побогаче вскоре пересекли Средиземное море в направлении Европы* (Известия) — то есть побогаче из всех эмигрантов, богаче какой-то усредненной “эмигрантской нормы”.

Нормативно-превышающее значение тяготеет к таким лексико-синтаксическим условиям (хотя далеко не обязательно реализуется в них): 1) определение при обобщенном множественном подлежащем: *В то же время комментаторы посерьезнее нет-нет да и посетуют...* (Известия); 2) определение при прямом дополнении при глаголах (или иных предикатах) целенаправленного, избирательного действия: *Дай только выбрать место на небе посвободнее, без проводов, без домов* (Огонёк); 3) приимперативное употребление: *Завари-ка ты чаю покрепче* (Д. Кедрин); *Алла Викторовна, будьте с ней поласковее* (Ю. Поляков).

Достаточно часто от нормативной точки отсчета отталкивается в русском языке и семантика аналитических образований: *Более закаленные люди меньше болеют.*

В украинском языке нормативно-превышающее значение передается компаративами, не имеющими формальных модификаций. Такая семантика регламентируется только лексико-синтаксическими факторами, аналогичными приведенным выше: *Цей почуввається в силі, — міцніше вино вибирає, Той попиває легеньке* (М. Зеров); *Та чутливіші з літературних критиків, розглядаючи його поетичну спадщину, раптом згадували слова Еміля Золя про Стендаля* (С. Білокінь); *І досі той звичай є, що дрібніші пани, як хочеться вечір видати, вдаються до семінаристів-музикантів* (А. Свидницький); *Її визнали непрацездатною тільки частково, тобто рекомендували легші роботи* (Ю. Мушкетик).

Нормативно-относительная семантика имеет материальную “привязку” и среди дериватов превосходной степени в русском языке. Это так называемая элативная форма на *-ейший/-айший*, семантика которой включает также элемент эмоционально-экспрессивного выражения степени признака. Субъективная норма признака играет важную роль в семантике таких дериватов, особенно при их нахождении в высказываниях типа *Умнейший человек! Красивейшая женщина!* В украинском языке к выражению

элативного значения тяготеют дериваты превосходной степени, осложненные префиксами *що-* или *як-*.

Проблема разграничения суперлативно-нормативного и элативно-оценочного значения в обоих языках может быть решена лишь с известной долей вероятности, так как элативные формы могут выражать и суперлативное значение: *Курлович — сильнейший человек в мире // ...пройдімо лабіринтом від свого речення, де щонайбільша з нагород і найчесніша — мста...* (В. Стус). В то же время элативное значение могут выражать и обычные формы превосходной степени. Показателем суперлативности значения является возможность трансформации типа *Он самый умный человек — Он самый умный из людей // Він найрозумніша людина — Він найрозумніший з людей*. Кроме того, можно выделить следующие лексические и синтаксические условия, способствующие формированию элативного значения:

1) образование превосходной степени от качественных слов со значением разнородной множественности: *...тенденции в политике самые противоречивые* (Известия); *В этом удивительном для него человеке сочетались самые, казалось бы, взаимоисключающие качества* (В. Максимов) // *Особистий настрої членів комісії був найрізноманітнішим* (Григорій Тютюнник);

2) при сочетании наречий с перфектами, инфинитивами и императивами: *идите быстрее! Это нужно сделать самым тщательным образом // Треба було кінчати якнайшвидше* (Григорій Тютюнник); *Коли всі пішли з барака, він якнайтепліше закутався в свою заробітчанську одяжину* (М. Стельмах);

3) при наличии в семантике производящих качественных слов сем сильной отрицательной или реже положительной оценки: *Самая свирепая цензура, самые плотные идеологические заслоны бессильны приостановить циркуляцию идей* (Известия); *Но самые великоленные цифры должны ложиться в цельную концепцию* (Известия) // *...послалі гінців із записками Оксена, в яких найсуворішим словом вимагалось, щоб коваль негайно повертався в село і роздмухував горен* (Григорій Тютюнник); *В давніх літописах наших єсть одне оповідання, що зворушує у серці Найсвятіші почування* (М. Вороний). Оценочный признак может интенсифицироваться модальными частицами: *Ничто не сходит с рук. Ни самый малый крюк С дарованной дороги* (Е. Евтушенко) // *Ну, поговоримо ж любенько: треба повинчатися і найхутше* (М. Старицький).

В сопоставляемых языках можно выделить такие семантические инварианты непозитивных степеней сравнения:

1. Общим значением **сравнительной степени** следует признать “выражение признака данного предмета (или признака. — А. К.) по сравнению с признаком другого предмета (или признака. — А. К.)”¹. Однако следует учитывать, что роль “другого предмета или признака”, то есть объекта сравнения, может играть одноименный (чаще всего неэксплицированный) субъект или предикат, отличающийся от субъекта сравнения некоторыми дифференцирующими признаками. В связи с этим необходимо различать гетерорелятивное и гоморелятивное значение компаратива, представляющее первую ступень деления общего значения на более частные, контекстуальные. Особо выделяется соотносительное значение.

1) В свою очередь, гетерорелятивное значение может быть:

а) **общепревышающим** — *Петр умнее Ивана // Петро розумніший за Івана; Двигаться полезнее, чем лежать // Рухатися корисніше, ніж лежати;*

б) **ослабленного превышения** — *Петр поумнее Ивана*. В украинском это значение передается описательно — *Петро дещо розумніший за Івана*.

2) **Гоморелятивное значение** зависит от характера дифференциации одноименных субъекта и объекта сравнения и подразделяется на:

а) **релятивно-атрибутивное**, одноименные аргументы которого различаются атрибутивными признаками — *Белый цветок красивее, чем красный // Біла квітка красивіша, ніж червона;*

б) **релятивно-циркумстантивное** — одноименные аргументы находятся в разных обстоятельствах:

• **релятивно-динамических** (в разных временных планах) — *Раньше люди были выносливее; Все тише становится эхо // Раніше люди були витривалішими; Усе тихшою стає луна;*

• **релятивно-локативных** (в разных местах) — *В лесу ветер слабее, чем в поле; В жидкости тело вращается медленнее, чем в газах // У лісі вітер слабкіший, ніж у полі; У рідині тіло обертається повільніше, ніж у газах;*

в) **релятивно-альтернативное** (при нахождении одноименных аргументов в разных альтернативных мирах) — *Встреча могла бы быть теплее; Стена должна быть выше; Спортсмен мог бы бежать*

¹ Шелякин М.А. О Семантической структуре степеней сравнения прилагательных, частных значениях и морфологических формах. — С. 74.

быстрее // Зустріч могла б бути теплішою; Стіна має бути вищою; Спортсмен міг би бігти швидше;

г) **релятивно-нормативное** — в объектной части могут находиться обороты, эксплицирующие нормальную, обычную степень признака: *...чем обычно, ...чем всегда, ...чем нормально // ...ніж звичайно, ...ніж завжди, ...ніж нормально.* В русском языке значение превышения субъективной нормы передает префиксальный (реже аналитический) компаратив в указанных ранее позициях: *Фотограф выбирал пейзаж посимпатичнее; Горожане посостоятельнее могут позволить себе купить это; Более старые деревья будут вырубаться раньше.* В украинском формирование подобного значения обуславливается не формально, а лексико-синтаксически: *Фотограф вибирав симпатичніший пейзаж; Заможніші городяни можуть дозволити собі купити це; Старіші дерева буде вирубано.*

Значение превышения объективированной нормы признака в обоих языках передает синтетический компаратив в составе образного сравнения при выражении объекта сравнения лексемой, обозначающей носителя данного признака в высокой степени: *смелее льва, крепче камня, темнее ночи // сміливіший за лева, міцніший за камінь, темніший за ніч.*

3) **Релятивно-соотносительное значение** — два компаратива выражают взаимосвязанные динамические неравенства разных признаков у разных субъектов / предикатов в составе сложного социативного целого с союзами *чем... тем, что... то // чим... тим, що... то.*

2. **Общее значение суперлатива** — выделение предмета по наличию предельной степени признака по сравнению со всем рядом (классом). Частные значения сравнительной степени таковы:

1) **Суперлативно-относительное** — при сравнении в замкнутом множестве, где выделяется один или несколько носителей предельного признака. В свою очередь, оно может быть подразделено на еще более частные значения:

а) **собственно суперлативное** — *Он самый сильный в классе // Він найсильніший у класі;*

б) **включительно суперлативное** — *Он один из самых сильных в классе // Він один з найсильніших у класі;*

в) **ограничительно суперлативное** — *Он самый сильный после тебя // Він найсильніший після тебе.*

2) **Суперлативно-нормативное** — при сравнении с незамкнутым, открытым классом однородных объектов: *Коралловое море —*

самое большое из морей; Он водит машину лучше всех // Коралове море — найбільше з морів; Він водить машину краще за всіх.

3) Элативно-оценочное — значение предельное по отношению к норме степени признака, осложненное, как правило, эмоционально-оценочной коннотацией: *Это умнейший человек!* В украинском подобное значение может передаваться превосходными степенями, осложненными префиксами *що-* или *як-*, или сочетаниями с наречиями: *Надзвичайно розумна людина!*

Таким образом, в исследуемых языках функционирует трехчленная деривационно-синтаксическая лексико-грамматическая категория степеней сравнения, обслуживающая адъективную и адвербиальную функционально-семантическую сферу. Возможности уточнения степени признака, выраженного позитивом, практически совпадают в обоих языках.

С формальной точки зрения, категория степеней сравнения в украинском языке более синтетически унифицирована и целостна. Синтетические дериваты в нем явственно доминируют над аналитическими в отличие от их функционального равноправия (немного ограниченного стилистически) в русском языке. Это объясняется адъективным характером словоизменения украинского компаратива (в отличие от русского) и практически полным охватом группы качественных прилагательных и наречий продуктивным компаративным суффиксом *-іш-* и суперлативным префиксом *най-*. Кроме того, украинские степени сравнения ввиду наличия флексий у компаратива более последовательно распределены по частеречным сферам, а с деривационной точки зрения последовательны и соотносительны внутри- и межпарадигматически. В русском языке две сферы пересекаются в простых компаративах и составных суперлативах, а простые и сложные адъективные превосходные степени не имеют наречных соответствий. В украинском языке являются чужеродными и немногочисленными префиксальные компаративы и отсутствуют специальные средства выражения элативного значения, как русские дериваты с *-ейш-/-айш-*.

Предикатная, валентная сущность непозитивных степеней сравнения в обоих языках обуславливает тот факт, что при различии их нормально-синтаксических характеристик в семантико-синтаксическом плане она сходна.

Отсутствие префиксальных компаративов и специальных элативных дериватов обуславливает отсутствие материальной “привязки” украинских степеней сравнения к субъективной норме признака. Нормативно-соотносительные значения здесь подчи-

нены, производны (ср. *люди поумнее // розумніші люди*). Вследствие этого категория степеней сравнения в украинском языке является семантически моноцентральной, релятивно-объектной. В русском же языке эта категория семантически двуцентровая. Наряду с семантическими оппозициями **безотносительность** (позитив) — **сравнительная относительность** (компаратив) — **выделительная относительность** (суперлатив); **отсутствие превышения** (позитив) — **предельность превышения** (компаратив) — **непредельность превышения** (суперлатив), которые характерны и для украинских степеней сравнения, в рамках русской категории существуют неопозитивные различия **нормативность** (позитив) — **субъективное предельное превышение нормы** (тяготеют префиксальный и аналитический компаратив) — **непредельное эмоционально-оценочное превышение нормы** (тяготеет синтетическая превосходная степень). Соответственно, в русской категории степеней сравнения выделяются две линии семантических различий — основная, оппозитивная релятивно-объектная, и побочная, неоппозитивная релятивно-нормативная.

VI. КАТЕГОРИЯ ВИДА

Аспектология, как учение о глагольном виде и смежных явлениях, в зависимости от языка исследования и господствующей научной парадигмы акцентировала свое внимание на различных сторонах характеристики протекания глагольного действия. Древние греки говорили о предельности/непредельности глагола, в средние века вид включался в систему глагольных времен, в XIX в. вид трактовался как специфическое свойство славянского глагола. Аспектуальные исследования XX в. прямо или косвенно детерминированы идеей С. Апреля о противопоставлении собственно вида в узком смысле (*Aspekt*) и способа действия (*Aktion*).

С одной стороны, предпринимаются попытки “устроения” вида грамматической категории славянского глагола — традиционная грамматика, с другой — вид все чаще трактуется как универсальная психологическая, понятийная категория. Несомненно, аспектуальные признаки в том или ином варианте присущи всем языкам, и современные исследования ведутся на материале латинского, древнегреческого, романских и германских языков, а также тюркских, финноугорских, кавказских и др.